

Солнечный круг

Степан глянул на часы — как раз, если поспешить, можно успеть на последнюю электричку. Вызвал такси и быстро, по-военному, собрался.

Уже через три часа он стоял на подножке тормозящего поезда и готовился сойти на станции.

В свете фонаря, освещающего платформу, блестела лужа с намерзшим по краям ледком. Пронизывающий ветер нес ледяную крупу. Вечерняя станция была совершенно безлюдной.

Степан поторопился и спрыгнул неудачно: подвернул больную ногу. Чертыхнулся.

Электричка, лязгая пустыми вагонами, скрылась вдаль, вместе с последним куском красного закатного солнца, свалившегося за горизонт.

Степан постоял на платформе, подождал, пока затихнет боль. Идти было не очень далеко, и он пошел, прихрамывая, стараясь меньше нагружать больное колено.

Видела бы его сейчас жена! Но, как на грех, отговорить его от поездки на этот раз было некому. Жену Степан еще утром проводил на отдых в санаторий, по путевке.

Эта горящая путевка свалилась как снег на голову — в прямом и переносном смысле. Вместе с первой осенней порошей и заморозками жену Степана неожиданно поощрили на работе.

Промозглая осенняя погода к отдыху совсем не располагала, но Степан уговорил супругу не упускать возможность поправить здоровье, и она решила ехать.

Степан пожегился, вспоминая спешные сборы с бесконечными указаниями от супруги: не забывать принимать лекарства, не сидеть всю ночь у телевизора, не питаться всухомятку...

Обременительную заботу жены ему всегда было тяжело выносить.

Жили они с супругой вдвоем, детей не нажили, как ни старались. Жена даже завела однажды разговор, что можно бы чужого усыновить, но Степан разговор не поддержал — чужой по крови ребенок ему был не нужен. Жена смирилась и всю свою нерастраченную материнскую любовь направила на него, Степана, а он покорно и понимающе терпел, чувствуя свою вину.

Степан добрал до дороги, ведущей в родную деревеньку. Сумерки сгустились, ветер усиливался. Но не возвращаться же назад! Вдали призывно светились огоньки домов.

Раньше бы он в два счета преодолел это расстояние! Но то раньше... В молодости он занимался спортом, любил мяч погонять с друзьями, а теперь, к пятидесяти годам, из-за последствий ранения, полученного во время службы в горячей точке, давно перешел в разряд телевизионных болельщиков.

Вот и в этот вечер, проводив жену, Степан собирался посмотреть футбол. Достал припрятанные от жены бутылку пива и пачку чипсов, выбросил в мусорное ведро разложенные на весь срок лекарства и приготовился сидеть до финального свистка. Если бы не звонок...

Только Степан удобно расположился в кресле, как позвонили с незнакомого номера. Женщина представилась соседкой его деревенской тетушки и тут же огорчила: тетя померла, похороны завтра. Степан так опешил, что даже не попрощался с женщиной, только пробормотал что-то невразумительное и положил трубку.

Новость не была неожиданной, тетке уже девяносто стукнуло. И Степан все собирался свидеться с ней, а главное, побывать на своей малой родине. Но жена каждый раз твердила:

Рисунок Александра Карпова

— Нечего там делать! Знаю я эти ваши встречи одноклассников, друзей детства! Посиделки с водкой! А потом с давлением лежать!

Да Степан и сам всегда придумывал сто отговорок, чтоб не ехать в деревню — свою большую любовь и большую боль одновременно. Была причина. Один поступок в юности сидел занозой в сердце до сих пор, отравлял жизнь.

Степан поднял воротник — на полевой дороге от пронизывающего до костей ветра невозможно было укрыться. Но воспоминания помогли отвлечься и идти дальше.

Рос он обычным ребенком, тихим, звезд с неба не хватал — так про него говорили в школе. Девчонки за ним не бегали, выбирали тех ребят, кто побойчее. А ему с начальной школы нравилась одноклассница Лида. Еще с того времени, как спели вместе с ней на школьном концерте песню «Солнечный круг».

Лида пела за обоих, а Степан только шевелил губами — от страха потерял голос. С тех пор ее лицо и было для него тем самым солнцем, которое своими лучами освещало и согревало всю его школьную жизнь.

Но подойти к Лиде Степан не решался. Когда она, главная заводила и затейница в их классе, пыталась вовлечь его в школьные мероприятия, терялся и отказывался. Только на выпускном, наконец, набрался смелости и пригласил ее на танец. А потом...

Степан и по сей день переживал, вспоминая ту единственную ночь на берегу реки, после выпускного, встречу рассвета вдвоем, и то, как жарко он целовал ее, какая она была нежная и податливая...

Степан поступил в военное училище. А Лида провалила экзамены и устроилась временно на работу в сельсовет. Договорились переписываться. Лида ему написала письмо первая. Письмо было коротким: она хотела увидеться, сообщала, что придет к нему. А Степан медлил с ответом.

Новая жизнь и перспективы, которые ему открыла учеба в военном училище, очень быстро отдалили его и от деревни, и от Лиды. Ему совсем не хотелось, чтоб его новые друзья видели его вместе с деревенской подругой. Она в своих провинциальных нарядах и со старомодной косой совсем не вписывалась в его новый круг общения. Да еще и девчонки вешались на курсантов гроздьями, стоило появиться на дискотеке в форме.

Он так и таскал то письмо в кармане, пока его новая подруга, впоследствии его жена, не вытащила письмо

и не ответила на него сама. Что она написала Лиде, Степан не знал, но про Лиду с тех пор ничего не слышал.

Много раз Степану хотелось увидеть Лиду, убедить, что у нее все хорошо, и вынуть занозу из сердца. Но он трусил. На войне не трусил, а встретиться лицом к лицу со своей первой любовью — трусил.

Но, похоже, теперь настал час, от судьбы не набегаешься! Вряд ли будет другой случай побывать в деревне. А может, Лида и не живет там уже давно... Ну хоть узнает о ней что-нибудь.

Промозглый ветер хватал за грудки, не давал идти.

Степан совсем замерз, промокшая одежда дубела на ветру. Он уже клял себя на все лады, что бросился вот так опрометчиво на ночь глядя в дорогу. Поехал бы утром на такси!

В конце концов выдохся окончательно. Вот придет он сейчас в дом к тетушке, и что? А вдруг Лида там...

Сердце защемило. Степан пошарил по карманам, таблеток не было. Вспомнил, что выбросил их.

У дороги стоял стожок. Степан зашел с подветренной стороны и с облегчением рухнул на мягкое. Боль немного отпустила.

За стогом было тихо и тепло. Пахло деревней и сеновалом.

Закрыв на минутку глаза от усталости: вот так бы и лежал целую вечность, дыша родным забытым воздухом.

Вдруг подумалось, что именно тут, на родине, его место. Вся прошлая жизнь представилась никчемной. Все заслуги, звание, большая пенсия. Даже послужить толком не получилось: сразу ранение — и все... Ради чего? Дом не построил, дерево не посадил, сына не вырастил. Полвека пролетело, как один день: вспомнить нечего.

Разве что школу, жизнь в деревне, Лиду, тот вечер после выпускного...

Подумалось: если б тогда на ней женился — и судьба была бы другая.

Вот интересно, какая? Возможно, тут бы и жили, может, и дети были бы.

— Эй, Стёпа! Неужели ты? Никак заснул? Очнись же! Вот беда.

Степан открыл глаза и обомлел — над ним склонилась Лида. Легка на помине!

— Лида? — Степан попытался встать.
— Не вставай! — заволновалась она. — Сейчас мощь придет. Я Найду послала.
— Найду?
— Ну да, собаку мою. Она умная! Приведет людей, не беспокойся, — улыбнулась Лида.
Помолчали.

Степану и радостно было, что так сразу и легко встретился с Лидой, и хотелось ей сказать самое важное, но он не мог подобрать слов.

Лида с тревогой поглядывала на дорогу, видно было, что с нетерпением ожидает помощи.

Степану же, наоборот, не хотелось больше никого видеть. Ему было хорошо и спокойно рядом с ней, хотелось растянуть это время, когда они одни во всем свете, до бесконечности.

— Лида, — начал Степан, помолчав, но она его тотчас мягко перебила:

— Не надо, Стёпа, с той поры целая вечность прошла, все изменилось.

— Скажи, Лида, хоть как живешь-то?

— Как? — Лида задумалась. — Да вот, вместе с сыночком тут недалеко.

— У тебя сын? — выдохнул Степан, новость эта новым приступом боли отозвалась в сердце.

— Сынок, — задумчиво произнесла Лида. — Твой и мой.

«Да как же это? — спохватился Степан. — У меня сын?! СЫН!!! Это ж я теперь... отец!>

Степан вскочил. В голове помутилось от боли. Свет померк.

Очнулся Степан от резкого запаха медикаментов. Огляделся.

Сразу узнал приемную деревенского фельдшерского пункта, в котором почти все осталось прежним: даже весы, на которых взвешивали школьников на медосмотрах, по-прежнему ютились в углу.

Степан лежал на кушетке, а перед ним в белом халате стоял его одноклассник и товарищ детства Васька Крылов. Только солидный и располневший.

Степан недоуменно смотрел на Ваську.

Васька же заулыбался во весь рот:

— Очнулся! Ну ты, брат, даешь — устроил мне веселую ночку! Как у тебя ума хватило одному на ночь глядя ехать! Ты почему нитроглицерин с собой не носишь? Еще бы маленько, и пришлось бы тебя вместе с твоей тетушкой прикопать.

— Да не болело так никогда. — Степан огляделся. — А где Лида?

— Какая еще Лида? — насторожился Васька.

— Ну меня же Лида нашла? Василькова! Одноклассница наша.

— Да ты, брат, и впрямь глюк уже словил... — Васька озадаченно смотрел на Степана. — Нашла тебя собачонка местная, выла на всю деревню, людей к тебе привела... Вот и скажи теперь, что животина бездушная, ничего не понимает! Вон она на крыльце лежит, — Васька с улыбкой кивнул в окно.

— Лида говорила про Найду... — начал было Степан и осекся, увидев выражение лица одноклассника.

— Лида... — Васька посерьезнел. — Лида погибла уж лет десять назад, вместе с сыном и его женой в автотатастрофе. Она тут и жила, в нашей деревне. Тихомирно. Мать-одиночка... Так и унесла с собой тайну, кто отец ребенка. И чего ты вдруг вспомнил про нее?

Степан закрыл глаза и отвернулся. Не хватало воздуха. Его придавила тяжестью такая вселенская тоска, будто в один миг в душе погасли тысячи солнц.

Васька присел на стул, взял Степана за руку, посчитал пульс. Помолчали оба.

— Ладно, — Васька поднялся и снял халат. — Думаю, тебе просто отдохнуть надо. Ты тут подремли пару часиков, день впереди тяжелый: тебе ж на похороны еще. А я домой. До работы время есть. Потом еще раз посмотрю тебя да отпущу.

Васька вышел, прикрыв дверь. Слышно было, как он задержался на крыльце и похвалил собаку, та ответила ему звонким лаем.

Потом Степан услышал, как Васька ругнул себя:

— Вот растяпа! Опять забыл!

Заскрипели ступени, распахнулась дверь.

Васька вернулся. Забрал со стола ключи.

Уже у двери остановился и сказал Степану:

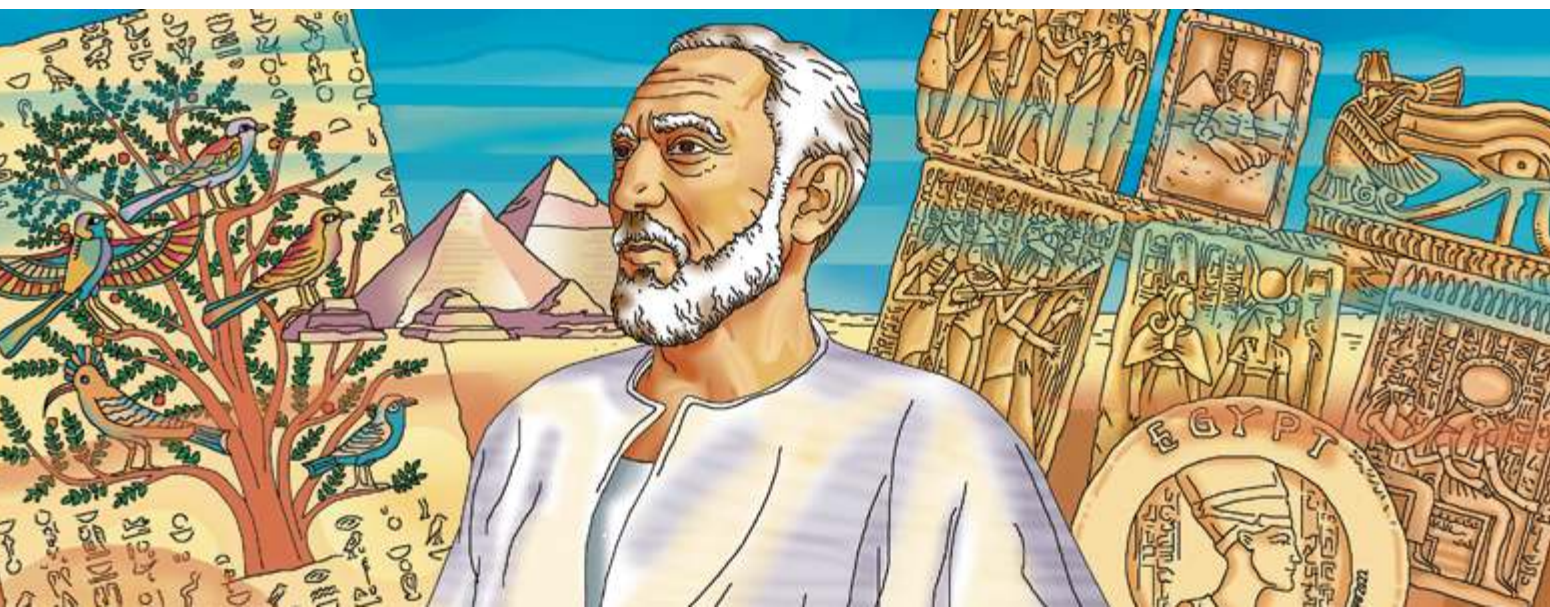
— Да, еще про Лиду вспомнил-то! Представь, у нее же внучок остался один-одинешенек. Лидина мать мальчонку-то после аварии опекала, а как ее не стало, его и забрали в интернат. Усыновит ли кто такого, ведь большой уже, лет двенадцать ему. Вот судьба, так судьба... Да.

Васька ушел.

Степан приподнялся на кушетке.

В окне виднелся кусочек неба. Занималось утро. Ветер разгонял облака — день обещал быть солнечным. Солнце всходило и в душе Степана.

Рисунок Александра Карпова

Подлинник

Первый раз за границей. Египет. Держу в голове совет, что покупки надо делать в городе, а не в магазинчиках при отеле, но в первый же день меня как магнитом затянуло в сувенирную лавку на выходе. Невозможно пройти мимо восточного сказочно сверкающего великолепия, радующего взгляд. Зашла на минутку посмотреть картинки на папирусах.

Владелец лавочки пожилой араб — типичный восточный торговец. Встретил, как дорогого гостя, усадил попить чаю. За чаем завел разговор на разные темы. Сразу стало видно, что он образованный человек, прекрасно владеющий русским языком, тонким юмором и вдобавок психологией. За разговором любовно продемонстрировал весь свой немудреный товар. Сама не заметила, как провела в этой лавке полтора часа. После такого приема неудобно уйти без покупки.

Но когда дело дошло до цен и выяснилось, что картинки продаются за 20–40 долларов, вежливо сказала:

— Я подумаю и вернусь!

На что араб изобразил расстроенную мину и с трагической ноткой в голосе произнес:

— Если сомневаешься, возьми даром, пусть висят и украшают комнату моего нового друга из России, радуют его! До отъезда подумай: если захочешь увезти на родину частичку Египта, то придешь и заплатишь, а если нет — вернешь картины мне.

Вот так на время пребывания в этой стране мой номер в первый же день украсился чудесным деревом желаний и сценками из жизни египетских богов,

а моя совесть озадачилась взятым на себя обязательством.

На следующий же день сестра, с которой мы делили номер в отеле, вернулась с городского базара с пачкой картинок сувениров за полтора доллара, ничуть не хуже моих, и еще ей в благодарность за оптовую покупку дали несколько штук даром.

Беру свои картины и пачку картинок с базара и отправляюсь в лавку. Бросаю картинки арабу на прилавок и говорю с обидой:

— Если вы мне назовете хоть одну причину, по которой ваши папирусы стоят в тридцать раз дороже, я за них сегодня же рассчитаюсь!

Ни один мускул не дрогнул на лице араба. Разве что печаль слегка засветилась в глазах.

— Куда торопишься, дочь моя? Так вот и жизнь пройдет, не успеешь оглянуться. В хлопотах и спешке. Садись, мой друг! Будем пить чай.

Усадил почти насильно, чай заварил.

Потом выдержал театральную паузу, подошел к прилавку с картинками, трепетно взял свою картинку с деревом желаний и с видом эксперта по живописи из Лувра сделал заявление:

— Вот это — подлинник! А это, — он презрительно бросил стопку картинок на стол, — копии!

Никогда в жизни я больше так не смеялась над тем, как меня обманули. И тем более не получала от этого такой радости.

Дерево желаний так и висит у меня с тех пор в рамке, хотя совершенно не подходит к интерьеру.

Путь домой

Начало студенческой жизни. Привыкаю жить самостоятельно на съемной квартире. В один из промозглых осенних дней поностальгировала и захотела поехать домой. Моя деревня находится в 100 километрах от города. Постоянное транспортное сообщение на «газелях» в то время еще не пустили. Добираемся на пригородном поезде, а оставшиеся восемь километров от станции как повезет: либо на автобусе, который без всякого расписания встречает людей с поезда, либо на личном транспорте.

Собралась быстро. Предупредить своих не успела. О сотовых в те времена и не слышали. Рискую идти эти километры пешком. Но разве этим можно напугать молодую спортивную девушку! К тому же до последнего надеюсь, что мне повезет и кто-нибудь из знакомых подвезет.

Не повезло! Никого из знакомых в поезде не встретила. Чуть не проспала свою станцию, пришлось выпрыгивать почти на ходу, когда поезд уже тронулся и доехал до конца платформы. Тащусь в крошечной тьме к вокзалу наощупь, под мелким морозящим противным дождиком, спотыкаясь, и мой энтузиазм потихоньку гаснет. Представляю, как буду идти эти километры по пустой дороге мимо кладбища...

Вижу, что под единственным фонарем у вокзала в машину садятся люди, а одному мужчине в светлых штанах места не хватило. Такой же бедолага, как я!

И пока иду, у меня созревает план. Мужчина пойдет пешком. Я буду идти следом, чуть поодаль, и мне будет не страшно! Его светлые штаны в темноте видно хорошо, буду на них ориентироваться. А меня во всем темном он и не заметит, только нужно идти тихо и на расстоянии.

И вот наша процессия направляется в осенней крошечной тьме в деревню. Светлые штаны маршируют довольно быстро, дело движется. У кладбища произошла заминка, светлые штаны обо что-то споткнулись на дороге, выругались и попрыгали на одной ноге. Я стою и жду, когда пойдем дальше.

После этой остановки дело разладилось. Светлые штаны начали передвигаться странными рывками, с ускорением, иногда почти бегом. Догоняю чуть не вприпрыжку, стараясь не потерять человека из виду, и при этом держать дистанцию, да еще и стараюсь за дыханием следить, чтоб себя не выдать. Хотя мне это даже нравится, такой спортивный марш-бросок. Да и двигаемся бодро, с опережением графика. Одна бы я так быстро не дошла.

И вот когда уже до деревни остается всего ничего, штаны останавливаются. Видно, дядька совсем выдохся, остановился отдохнуть. Стою на безопасном расстоянии, выжидаю.

И вдруг слышу хриплый, запыхавшийся и испуганный голос:

— Эй ты там! Кто там за мной с кладбища тащится?! Отстань! А?! По-хорошему! ❧